УДК 159.9:316.6

И. В. Шматкова[1], Т. М. Громова[2]
[1]канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
[2]магистрант психолого-педагогического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: [1]ishmat_09@mail.ru; [2]tatayna9@mail.ru

ОПЫТ СЕМЕЙНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ КАК ФАКТОР ВИКТИМНОСТИ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение характера взаимосвязи опыта семейных эмоциональных коммуникаций и проявлений виктимности у лиц юношеского возраста из семей группы риска и условно благополучных семей. Обнаружено отсутствие выраженных различий виктимного поведения и ролевой виктимности между двумя группами респондентов. Показано, что у лиц юношеского возраста из семей группы риска в целом обнаружено больше значимых корреляционных связей между проявлениями виктимности и нарушениями семейных эмоциональных коммуникаций (родительская критика, запрет на выражение эмоций, стремление демонстрировать внешнее благополучие при наличии внутрисемейных проблем, стремление к контролю, ограничению самостоятельности ребенка).

Введение

Проблема виктимности является одной из актуальных в психологической науке и практике. Под виктимностью понимается комплексное психологическое образование, содержащее потенциальную возможность для личности или группы людей, находящихся в критической жизненной ситуации и в условиях реальной опасности, стать жертвой, понести определенные физические и психологические потери, а также имущественный ущерб. С одной стороны, виктимизация рассматривается как процесс влияния на человека совокупности негативных внешних условий и факторов, а с другой – как процесс социально-психологических изменений самой личности под влиянием негативных внешних факторов, формирующих в ней психологию жертвы.

Рассматривая феномен виктимности, изначально ученые делали акцент на криминальности, экстремальности, опасности среды, уделяя недостаточное внимание виктимизации личности в повседневной жизни, в структуре семейных отношений. Осмысление сущности проблемы виктимного поведения в психологии стало возможным благодаря исследованиям О. О. Андронниковой, М. А. Одинцовой, А. Б. Серых, Е. С. Фоминых, Т. Е. Яценко и других ученых, актуализировавших данную проблему применительно к некриминальным сферам жизни. В связи с этим виктимное поведение стало трактоваться как исполнение индивидами роли жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обусловливающее их психологическую виктимизацию или ревиктимизацию в межличностном взаимодействии [1–4].

Большинство исследований посвящены изучению проблемы виктимности у подростков (О. О. Андронникова, О. Б. Бовть, М. П. Долговых, М. А. Одинцова, Т. Н. Матанцева, С. А. Фалкина и др.). Однако юношеский возраст также можно рассматривать как уязвимый с точки зрения формирования виктимности (Ю. В. Никитина, М. П. Семкова, О. А. Клачкова, Л. Л. Пучкова, Р. А. Субботина). Это обусловлено тем, что в этом возрасте продолжает активно формироваться мировоззрение и личностная идентичность. Несформированность этих структур может приводить к слабости субъектной позиции и неспособности сопротивляться насилию и давлению. По мнению Е. С. Фоминых, уязвимость представителей юношеского возраста также обусловлена резким

изменением пространства взросления подрастающего поколения, в условиях которого дефицит социализирующих и интенсивность деструктивных воздействий семьи и образовательных учреждений деформирует систему интерактивного взаимодействия.

Определяя факторы виктимности, большинство авторов сходятся на выделении двух их основных групп:

1) внутренние (психофизиологические и индивидуально-психологические); к ним относятся темпераментные особенности, наличие резидуально-органической церебральной недостаточности, синдрома дефицита внимания, склонность к риску, тревожность, эмоциональная неустойчивость, повышенная внушаемость, низкий порог фрустрации, повышенная агрессивность, неадекватная самооценка, радикализм, подозрительность, индивидуальный опыт переживания или наблюдения факта насилия;

2) внешние (социальные); включают культурные традиции общества, социальное отвержение, демонстрацию образцов жертвенного поведения в СМИ, литературе, опыт отношений с педагогами и сверстниками, а также семейные факторы [1; 3].

Большинством авторов в качестве ключевого фактора формирования виктимности признается опыт семейных отношений. Однако в литературе данный фактор описывается преимущественно в отношении детей и подростков [1; 5–9] и часто рассматривается в контексте проблемы сексуального и/или физического насилия [10–12]. Изучение роли семейного фактора в проявлениях виктимности в юношеском возрасте мало представлено. Так, в исследовании Н. Н. Биткиной показано, что семейными факторами виктимизации юношей и девушек являются отвергающий, контролирующий, инфантилизирующий, симбиотический, враждебный, директивный и непоследовательный типы родительского отношения [13].

Социальная ситуация развития и уровень личностного развития в юношеском возрасте отличается от подросткового, что предположительно может приводить к нивелированию определенных неблагоприятных семейных факторов, значение которых особенно велико в подростковом возрасте [14]. Этот факт не позволяет нам автоматически перенести данные, полученные при изучении факторов виктимности подростков, на лиц юношеского возраста.

Этим обусловлен выбор цели проведенного нами эмпирического исследования, направленного на изучение характера взаимосвязи опыта семейных эмоциональных коммуникаций и виктимного поведения у лиц юношеского возраста из семей группы риска и условно благополучных семей. Определение такой выборки имеет практический интерес, поскольку общепринятым является мнение специалистов о том, что семьи группы риска зачастую представляют собой уязвимую группу, члены которой могут являться носителями психологической виктимности.

Выборку исследования составили 90 студентов в возрасте от 17 до 21 года: 45 студентов из условно благополучных семей (11 девушек и 34 юноши) и 45 – из семей группы риска (10 девушек и 35 юношей). Критериями для отнесения семьи респондентов к семьям группы риска выступил социальный статус (неполная семья и/или состоит на учете как семья, находящаяся в социально опасном положении). К условно благополучным семьям, соответственно, были отнесены полные семьи, не находящиеся в социально опасном положении. Термин «условно благополучные» использован по причине того, что нами не оценивался объективно характер внутрисемейных отношений как критерий благополучности.

Для изучения специфики проявления психологической виктимности в поведении респондентов из разных типов семей применялись следующие методики: *опросник исследования склонности к виктимному поведению О. О. Андронниковой*, позволяющий выявить предрасположенность респондентов к реализации различных форм виктимного поведения: саморазрушающее, гиперсоциальное, некритичное, агрессивное, зависимое

поведение и реализованная виктимность [15]; *опросник «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой, Н. П. Радчиковой* [16], направленный на изучение общего уровня ролевой виктимности и проявления игровой и социальной ролей жертвы.

С целью выявления специфики семейных дисфункций в родительской семье использовался опросник *«Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой* [17]. Данная методика направлена на выявление следующих дисфункций в родительских семьях: родительская критика, индуцирование тревоги в семье, элиминирование эмоций в семье, фиксация на негативных переживаниях, внешнее благополучие (фасад и враждебность), сверхвключенность, семейный перфекционизм.

Описание результатов

Количественные данные, полученные в ходе изучения склонности к виктимному поведению у лиц юношеского возраста из условно благополучных семей и семей группы риска с помощью методики О. О. Андронниковой, представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Уровень выраженности разных типов виктимного поведения у лиц юношеского возраста из условно благополучных семей и семей группы риска, %

Шкала	Респонденты из условно благополучных семей			Респонденты из семей группы риска		
	Выше нормы	Норма	Ниже нормы	Выше нормы	Норма	Ниже нормы
Склонность к агрессивному виктимному поведению	4	47	49	–	55	44
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	16	53	31	22	44	33
Склонность к гиперсоциальному поведению	29	53	15	24	58	13
Склонность к зависимому и беспомощному поведению	2	60	35	2	64	33
Склонность к некритичному поведению	–	62	38	7	58	35
Реализованная виктимность	–	22	78	–	33	67

Под виктимным поведением О. О. Андронникова [1] понимает отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений личности. Всего она выделяет пять типов виктимного поведения, представленных в таблице 1, а также показатель реализованной виктимности. Склонность к тому или иному типу виктимного поведения проявляется в социальных ожиданиях, стереотипах, установках, обусловливающих определенные формы реагирования на различные жизненные ситуации.

Проведенный статистический анализ с помощью U-критерия Манна – Уитни показал отсутствие значимых различий между выборками, поэтому о небольших различиях мы можем говорить лишь на уровне тенденций.

Из представленных данных видно, что наиболее высокие показатели в обеих группах наблюдаются по шкале «Склонность к гиперсоциальному поведению». Для людей с выраженностью гиперсоциального поведения характерна активная позиция, самоуверенность, нетерпимость к поведению, нарушающему общественный порядок. Зачастую такое социально одобряемое поведение провоцирует в их адрес действия агрессора.

Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению присутствует в обеих выборках, однако несколько более выражена в группе респондентов из семей группы риска. Она свидетельствует о склонности человека к поведению, провоцирующему ситуацию виктимности своей просьбой или обращением. Данное поведение может быть как провоцирующим, если для причинения вреда привлекается другое лицо, так и самопричиняющим, которое характеризуется склонностью к риску, необдуманному поведению, зачастую опасному для себя и окружающих.

Около половины респондентов из обеих выборок имеют низкий уровень склонности к агрессивному виктимному поведению, что свидетельствует о наличии хорошего самоконтроля, стремления придерживаться принятых норм и правил. Однако вместе с тем для них характерно снижение мотивации достижения, спонтанности, высокая обидчивость.

Высокие показатели реализованной виктимности отсутствуют в обеих выборках. При этом у большинства респондентов они находятся на уровне ниже нормы, что свидетельствует о внутренней готовности к виктимному способу поведения, тенденции к переживанию напряжения и стремлению избегать конфликтных ситуаций.

Результаты изучения ролевой виктимности у лиц юношеского возраста из условно благополучных семей и семей группы риска (таблица 2) позволяют сделать вывод об отсутствии значимых статистических различий между группами (по U-критерию Манна – Уитни). При этом высокий уровень общей ролевой виктимности имеют около 20 % респондентов в обеих группах, а низкий уровень – около трети. Люди с высоким уровнем ролевой виктимности отличаются склонностью уходить от проблем, смиряться с ситуацией и не желают ничего менять, потому что убеждены в бесполезности любых попыток это сделать. Для них также характерны низкий уровень жизнестойкости, предпочтение неконструктивных стратегий совладания (избегание, манипуляция, асоциальные и агрессивные действия и др.), переменчивость в настроении, ярко выраженная психоэмоциональная симптоматика, тенденция к самообвинению в сочетании с обвинениями других и жалостью к себе.

Показатели по шкале «игровая роль жертвы» превышают показатели по шкале «социальная роль жертвы» в обеих выборках. При этом у респондентов из семей группы риска эта тенденция сильнее (χ^2эмп. = 21,608 при $p \leq 0{,}01$), чем в группе из условно благополучных семей (χ^2эмп. = 6,35 при $p \leq 0{,}05$). Это означает, что респонденты из семей группы риска в большей степени склонны к манипулированию другими, демонстрируя позицию жертвы, чем к реальному аутсайдерству.

Таблица 2. – Уровень выраженности ролевой виктимности у лиц юношеского возраста из условно благополучных семей и семей группы риска, %

Показатели ролевой виктимности	Респонденты из условно благополучных семей			Респонденты из семей группы риска		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Игровая роль жертвы	24	49	27	31	40	29
Социальная роль жертвы	11	62	27	9	72	24
Общий показатель	18	58	24	22	51	29

Далее представим результаты изучения опыта семейных эмоциональных коммуникаций у респондентов из условно благополучных семей и семей группы риска (таблица 3). Наиболее часто высокий уровень нарушенных эмоциональных коммуникаций в опыте респондентов из обоих типов семей имел место по таким показателям, как индуцирование тревоги в семье, фиксация на негативных переживаниях, внешнее

благополучие, сверхвключенность, семейный перфекционизм. Однако сравнение распределения уровней семейных дисфункций по некоторым шкалам позволило обнаружить различия у респондентов из разных типов семей.

Таблица 3. – Уровень семейных дисфункций у лиц юношеского возраста из условно благополучных семей и семей группы риска, %

Шкала	Респонденты из условно благополучных семей			Респонденты из семей группы риска		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Родительская критика	4	32	64	17	55	28
Индуцирование тревоги в семье	64	33	3	49	42	9
Элиминирование эмоций	7	51	42	9	53	38
Фиксация на негативных переживаниях	51	42	7	44	47	9
Внешнее благополучие	46	40	14	55	38	7
Сверхвключенность	64	31	5	67	31	2
Семейный перфекционизм	47	49	4	31	53	16
Общий показатель семейных дисфункций	4	91	5	13	78	9

Так, уровень родительской критики значительно преобладает в опыте респондентов из семей группы риска (χ^2эмп. = 28,214 при $p \geq 0,01$) в сравнении с респондентами из условно благополучных семей.

Уровень индуцирования тревоги, наоборот, значительно выше в опыте респондентов из условно благополучных семей χ^2эмп. = 6,072 при $p \geq 0,05$). Это означает, что в семьях такого типа родители значительно в больше склонны проявлять тревожность и акцентировать внимание на трудностях и неудачах ребенка в сравнении с родителями из семей группы риска.

Распределение показателей по шкалам «элиминирование эмоций», «фиксация на негативных переживаниях», «внешнее благополучие» и «сверхвключенность» в группах респондентов из разных типов семей не имеют статистически значимых различий.

Показатель семейного перфекционизма значимо преобладает в группе респондентов из условно благополучных семей (χ^2эмп. = 10,638 при $p \geq 0,01$) в сравнении с респондентами второй группы.

Общий же показатель семейных дисфункций несколько преобладает в опыте респондентов из семей группы риска (χ^2эмп. = 6,906 при $p \geq 0,05$, φ^*эмп. = 2,168 при $p \geq 0,05$) в сравнении с респондентами из условно благополучных семей.

Таким образом, полученные результаты показывают, что в семьях респондентов из условно благополучных семей в сравнении с их сверстниками из семей группы риска больше выражена тревожность родителей, фиксация на возможных трудностях, опасностях и жизненных неудачах, а также тенденция воспитывать ребенка в духе очень высоких стандартов и стремления к совершенству.

Респонденты из семей группы риска более подвержены чрезмерной критике со стороны родителей и сравнению их с другими, более успешными детьми.

В семьях респондентов из обеих групп также значительно выражены такие варианты семейных дисфункций, как чрезмерная фиксация родителей на негативных переживаниях, стремление контролировать ребенка, ограничивать его самостоятельность

и стремление родителей скрывать, не видеть и не выдавать окружающим свои внутрисемейные проблемы.

Далее в соответствии с задачами исследования была предпринята попытка установления взаимосвязи между склонностью к отдельным формам виктимного поведения и особенностями эмоциональных коммуникаций в семье у респондентов из семей группы риска и условно благополучных семей. С помощью критерия ранговой корреляции r_s Спирмена был проведен анализ корреляционной связи между показателями по шкалам опросников «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой и «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой с данными по шкалам опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой.

Представим результаты анализа корреляционной связи между типами виктимного поведения и показателями семейных дисфункций.

В группе респондентов *из условно благополучных семей* установлена значимая прямая корреляционная связь между шкалой «Реализованная виктимность» и такими показателями нарушений семейных эмоциональных коммуникаций, как «Родительская критика» ($r_s = 0{,}445$ при $p \leq 0{,}01$), «Внешнее благополучие» ($r_s = 0{,}306$ при $p \leq 0{,}05$) и «Семейный перфекционизм» ($r_s = 0{,}354$ при $p \leq 0{,}05$). Такая связь означает: излишняя критика, стремление родителей скрывать проблемы семьи и воспитание в духе очень высоких стандартов могут провоцировать виктимное поведение ребенка.

Данные по шкале «Склонность к гиперсоциальному поведению» имеют значимую положительную связь с уровнем родительской критики ($r_s = 0{,}302$ при $p \leq 0{,}05$) и отрицательную – с семейной тенденцией к элиминированию эмоций ($r_s = -0{,}324$ при $p \leq 0{,}05$). Результаты свидетельствуют о том, что чем выше в семье уровень родительской критики и чем меньше установки на сдержанность эмоциональных проявлений в семье, тем более вероятно проявление в юношеском возрасте активной позиции, самоуверенности, нетерпимости к нарушению норм и правил, приводящие к агрессивным действиям в свой адрес.

Корреляционный анализ данных в группе респондентов *из семей группы риска* показал наличие прямой корреляционной связи между:

1) шкалой «Реализованная виктимность» и шкалами «Родительская критика» ($r_s = 0{,}409$ при $p \leq 0{,}01$), «Сверхвключенность» ($r_s = 0{,}343$ при $p \leq 0{,}05$); это свидетельствует о том, что родительская критика и тотальный контроль в семьях группы риска могут провоцировать у ребенка склонность к виктимному поведению;

2) шкалой «Склонность к агрессивному поведению» и шкалами «Родительская критика» ($r_s = 0{,}394$ при $p \leq 0{,}05$) и «Элиминирование эмоций» ($r_s = 0{,}297$ при $p \leq 0{,}05$); это означает, что критика, выражение недовольства со стороны родителей и запрет на выражение эмоций вызывают провоцирующее агрессивное поведение у детей в семьях группы риска;

3) шкалой «Склонность к зависимому и беспомощному поведению» и шкалами «Родительская критика» ($r_s = 0{,}531$ при $p \leq 0{,}01$), «Элиминирование эмоций» ($r_s = 0{,}329$ при $p \leq 0{,}05$) и «Сверхвключенность» ($r_s = 0{,}307$ при $p \leq 0{,}05$); данная связь означает, что критика, выражение недовольства и повышенный родительский контроль порождают у детей склонность к зависимому и беспомощному поведению;

4) шкалой «Склонность к некритичному поведению» и шкалами «Родительская критика» ($r_s = 0{,}400$ при $p \leq 0{,}01$) и «Фиксация на негативных переживаниях» ($r_s = 0{,}414$ при $p \leq 0{,}01$); это дает основание полагать, что критика и акцентирование внимания родителей на негативных переживаниях в семьях группы риска с высокой долей вероятности приведет к неосмотрительности ребенка, неумению правильно оценивать опасные жизненные ситуации.

Корреляционный анализ данных, полученных с помощью методики «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой, и данных шкал опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой позволил установить статистически значимые связи лишь в группе респондентов из семей группы риска. Значимая корреляционная связь положительной направленности была установлена между:

1) шкалой «Игровая роль жертвы» и шкалами «Родительская критика» (r_s = 0,453 при $p \leq 0,01$), «Элиминирование эмоций» (r_s = 0,300 при $p \leq 0,05$) и «Внешнее благополучие» (r_s = 0,302 при $p \leq 0,05$); данная положительная связь показывает, что излишняя критика, запрет на выражение ребенком эмоций и стремление родителей из семей группы риска скрывать семейные проблемы будут способствовать готовности ребенка к манипулированию другими ради получения поддержки, выгоды из своего неблагоприятного положения, инфантильности;

2) шкалой «Социальная роль жертвы» и шкалами «Родительская критика» (r_s = 0,486 при $p \leq 0,01$) и «Элиминирование эмоций» (r_s = 0,398 при $p \leq 0,01$); это означает, что критика в отношении ребенка со стороны родителей и запрет на выражение эмоций может приводить к аутсайдерской позиции ребенка в группе сверстников и враждебному восприятию окружающего мира.

Обсуждение результатов

Обнаруженное в исследовании отсутствие значимых различий по уровню проявлений виктимности у лиц юношеского возраста из семей группы риска и условно благополучных семей может быть связано с достаточно разнородной группой семей группы риска, куда были включены, в частности, неполные семьи, степень благополучности отношений в которых не обязательно будет отличаться от полной семьи, не состоящей на учете в категории «социально опасное положение». В доказательство данного предположения можно привести исследование И. В. Павлова, в котором было показано, что юноши и девушки из полных и неполных семей имеют в основном схожие когнитивные и аффективные характеристики образа Я [14]. Этот факт указывает на необходимость в дальнейших исследованиях рассматривать категорию семей группы риска более дифференцированно.

При этом полученные в исследовании результаты показывают, что у лиц юношеского возраста из семей группы риска в целом обнаружено больше статистически значимых корреляционных связей между проявлениями виктимного поведения и нарушениями семейных эмоциональных коммуникаций, что, на наш взгляд, обусловлено большей выраженностью данных нарушений в сравнении с группой из условно благополучных семей. Так, юноши и девушки из семей группы риска, подвергавшиеся критике и выражению недовольства со стороны своих родителей и получавшие запрет на выражение эмоций, склонны проявлять агрессию или иное провоцирующее поведение, в том числе намеренно создавать или провоцировать конфликтные ситуации.

Критика, запрет на выражение эмоций в сочетании с повышенным контролем и вмешательством в дела ребенка порождают склонность к зависимому и беспомощному поведению, которое проявляется в низкой самооценке, сильной внушаемости, робости. Фиксация родителей на негативных переживаниях может способствовать склонности к неосмотрительности, неумению правильно оценивать опасные жизненные ситуации.

Результаты изучения ролевой виктимности также показали, что лица юношеского возраста из семей группы риска, в которых имеет место высокий уровень родительской критики, запрет на выражение негативных эмоций и стремление родителей скрывать внутрисемейные проблемы, демонстрируют склонность к исполнению роли жертвы ради манипулирования окружающими с целью получения выгоды. Кроме этого,

высокие показатели родительской критики и стремления запрещать выражение ребенком негативных эмоций повышают вероятность формирования ролевой виктимности, характеризующейся аутсайдерством, беспомощностью, низкой самооценкой.

Юноши и девушки из условно благополучных семей, которые также подвергались критике родителей и запретам на выражение негативных эмоций, демонстрируют склонность к гиперсоциальному виктимному поведению, которое выражается в жертвенности и высокой ориентации на социально одобряемое поведение. Критика со стороны родителей в сочетании со стремлением скрывать внутрисемейные проблемы и предъявлять к ребенку завышенные ожидания и требования повышает склонность к реализованному виктимному поведению в юношеском возрасте.

Таким образом, наиболее значимыми семейными факторами риска формирования виктимности в юношеском возрасте выступает высокий уровень родительской критики и элиминирования эмоций. Результаты исследований О. О. Андронниковой [1], в которых установлены значимые корреляционные связи между проявлениями виктимности у подростков и враждебностью и директивностью в семье, дают основания рассматривать родительскую критику в качестве одного из ключевых факторов виктимной деформации личности ребенка на предшествующих юношескому возрасту этапах развития. Особенно выраженная связь данного фактора с виктимностью у респондентов нашего исследования из семей группы риска позволяет предположить вероятность проявления насилия в отношении детей со стороны родителей, которое отмечается в разных источниках как один из ключевых факторов виктимности.

Выявление механизма влияния элиминирования эмоций в семье на формирование виктимных черт у юношей и девушек является задачей дальнейших исследований. Однако сегодня известно, что существующие в семье негласные запреты на выражение эмоций, особенно негативных, приводят к тенденции у ребенка подавлять собственные эмоции, трудностям в выстраивании отношений с другими людьми, неконтролируемым вспышкам агрессии, зависимостям, невротическим и психосоматическим расстройствам.

Полученные результаты позволяют выстроить некоторые гипотетические модели формирования виктимности у лиц юношеского возраста из разных типов семей, эмпирическая проверка которых может стать предметом дальнейших исследований.

В условно благополучных семьях:

✓ родительская критика и воспитание ребенка в духе высоких стандартов – формирование у ребенка низкой самооценки, неуверенности в себе, тревожности – выраженная тенденция к подчинению правилам, нетерпимость к поведению, нарушающему общественный порядок.

В семьях группы риска:

✓ родительская критика и запрет на выражение эмоций в семье – формирование у ребенка низкой самооценки, неуверенности в себе, тревожности, неумение конструктивно выражать эмоции и устанавливать доверительные отношения с другими людьми – аутсайдерская позиция ребенка в группе сверстников, враждебное восприятие окружающего мира, провоцирующее агрессивное поведение;

✓ родительская критика, запрет на выражение эмоций и повышенный контроль – формирование у ребенка низкой самооценки, неуверенности в себе, тревожности, неумение конструктивно выражать эмоции и устанавливать доверительные отношения с другими людьми, инфантильность, отсутствие самостоятельности – беспомощность ребенка, зависимость от других;

✓ родительская критика, запрет на выражение ребенком эмоций и стремление родителей скрывать семейные проблемы, поддерживая внешний образ благополучной семьи – формирование у ребенка низкой самооценки, неуверенности в себе, тревож-

ности, неумение конструктивно выражать эмоции и устанавливать доверительные отношения с другими людьми, лицемерие – инфантильность ребенка, готовность к манипулированию другими ради получения поддержки, извлечению выгоды из своего неблагоприятного положения.

Заключение

Проведенное исследование позволило конкретизировать характер связи между нарушениями эмоциональных коммуникаций в семье и риском проявления виктимного поведения в юношеском возрасте, что способствует существенному уточнению имеющихся в науке данных о семейных факторах виктимности у детей.

В целом полученные результаты показывают, что виктимность в юношеском возрасте связана в большей степени не столько с внешними показателями отнесения семьи к группе риска, сколько с характеристиками внутрисемейных отношений. Такие значимо связанные с показателями виктимности в юношеском возрасте семейные дисфункции, как родительская критика, запрет на выражение эмоций, стремление демонстрировать внешнее благополучие при наличии внутрисемейных проблем, стремление к контролю, ограничению самостоятельности ребенка, имеют высокие показатели не только в семьях группы риска, но и в обычных семьях, которые по внешним социальным признакам к такого типа семьям не относятся.

Результаты нашего исследования имеют практическую значимость, поскольку позволяют получить представление о проявлениях и выраженности виктимности в юношеском возрасте, что может учитываться при планировании профилактической и коррекционной работы по преодолению виктимности у юношей и девушек.

Информация о взаимосвязи между проявлениями виктимности и нарушениями семейных эмоциональных коммуникаций может использоваться при работе с семьями с целью преодоления факторов риска формирования виктимности у детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронникова, О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / О. О. Андронникова. – Новосибирск, 2005. – 16 с.

2. Одинцова, М. А. Ролевая виктимность в поведении подростков из социально незащищенных семей / М. А. Одинцова // Психол. наука и образование. – 2012. – № 3. – С. 1–12.

3. Фоминых, Е. С. Психологические механизмы виктимности [Электронный ресурс] / Е. С. Фоминых // Концепт. – 2014. – № 5. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-viktimnosti/viewer. – Дата доступа: 09.03.2020.

4. Яценко, Т. Е. Формирование социально-психологических компетенций у будущих педагогов в области девиктимизации учащихся подросткового возраста : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.07 / Т. Е. Яценко. – Минск, 2015. – 32 с.

5. Белановская, О. В. Воспитание в семье как фактор риска виктимного поведения детей [Электронный ресурс] / О. В. Белановская // Актуал. науч. исслед. в соврем. мире. – 2018. – Вып. 11-4 (43). – С. 57–63. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/-download/elibrary_36587265_15690591.pdf. – Дата доступа: 02.03.2020.

6. Бовть, О. Б. Направления и методы превенции семейной виктимизации детей и подростков [Электронный ресурс] / О. Б. Бовть, А. В. Мосюндь // Упр. в условиях глобал. мировых трансформаций: экономика, политика, право. – 2017. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29780662_12711923.pdf. – Дата доступа: 02.03.2020.

7. Жихарева, Л. В. Особенности эмоциональной привязанности у подростков, склонных к девиантной виктимности / Л. В. Жихарева // Науч. результат. Педагогика и психология образования. – 2018. – Т. 4, вып. 4. – С. 96–106.

8. Кочеткова, И. В. Виктимность и виктимное поведение детей и подростков: причины и факторы формирования [Электронный ресурс] / И. В. Кочеткова. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29791539_75004403.pdf. – Дата доступа: 15.02.2020.

9. Сажина, Н. М. Предупреждение педагогических рисков виктимизации подростка / Н. М. Сажина, М. С. Голубь // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. – 2012. – Вып. 1. – С. 127–132.

10. Глинко, О. Д. Виктимность подростков. Причины, особенности проявления. Особенности психологического консультирования по телефону жертв насилия [Электронный ресурс] / О. Д. Глинко. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/helpline/issue/-40524_full.shtml. – Дата доступа: 15.02.2020.

11. Зиновьева, Н. О. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова. – СПб. : Речь, 2005. – 248 с.

12. Шигашов, Д. Ю. Семейные паттерны в детерминации виктимного поведения детей и подростков [Электронный ресурс] / Д. Ю. Шигашов, Ю. А. Фесенко, В. А. Худик // Коррекцион.-пед. образование. – 2018. – № 4. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/-download/elibrary_37392607_66918465.pdf. – Дата доступа: 27.01.2020.

13. Биткина, Н. Н. Виктимное поведения юношей и девушек как следствие психологического неблагополучия в семье [Электронный ресурс] / Н. Н. Биткина. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27182516_70221230.pdf. – Дата доступа: 14.01.2020.

14. Павлов, И. В. Взаимосвязь социально-перцептивного образа отца и образа «Я» у юношей и девушек из полных и неполных семей : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.05 / И. В. Павлов. – Минск, 2018. – 27 с.

15. Андронникова, О. О. Диагностика склонности к виктимному поведению [Электронный ресурс] / О. О. Андронникова. – Режим доступа: https://psihologn.org/-index.php/katalog-statej/233. – Дата доступа: 12.02.2019.

16. Одинцова, М. А. Этапы разработки опросника «Тип ролевой виктимности» / М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова // Ярослав. пед. вестн. – 2012. – № 1, т. II : Психол.-пед. науки. – С. 309–314.

17. Холмогорова, А. Б. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» / А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова // Консультатив. психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 97–125.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2020

Shmatkova I. V., Gromova T. M. **Experience Family Emotional Communication how Factor Victimhood in Age of Adolescence**

The article presents the results of an empirical study aimed at studying the relationship between experiences of family emotional communication and victimhood in young persons from at-risk families and conditionally well-off families. There were no marked differences in victim behavior and role-playing between the two groups of respondents. It is shown that young people from at-risk families in general found more significant correlations between victimhood and disruption of family emotional communication (parental criticism, prohibition on expression emotions, the desire to demonstrate external well-being in the presence of intra-family problems, the desire for control, limiting the child's independence).